

18+

ВИКТОР УЛИН
спустя 40 лет

**ДЕВУШКА,
НЕ СТАВШАЯ ТРЕТЬЕЙ**

Виктор Улин
Девушка, не ставшая
третьей. Спустя 40 лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710830

ISBN 9785006059283

Аннотация

Человек на пороге старости вспоминает лучшие периоды жизни. Герой этой повести не отличается от прочих. Его фрагментарные, раздерганные воспоминания полны чувственности и одновременно безнадежны. Бывшее сорок лет назад сохранило яркость красок, но сегодня уже оценивается иначе, чем тогда. Вывод неоднозначен, хотя финал вселяет надежду. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I	6
1	6
2	9
3	12
4	13
5	15
6	18
7	19
8	21
9	22
10	23
11	25
12	28
13	30
14	31
15	32
16	33
17	35
18	37
19	39
20	40
21	41
22	42

23	43
24	45
25	46
26	47
27	49
28	50
29	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Девушка, не ставшая третьей Спустя 40 лет

Виктор Улин

*Ольге Д. —
с благодарностью за все,
чего не было 40 лет назад.*

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2024

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2024

© Виктор Улин, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0060-5928-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«И сказал Хусий Авессалому: нехорош на этот
раз совет, который дал Ахитофел.»*

(2 Цар. 17:7)

Часть I

1

От вокзала «*Дрезден Главный*» до студенческого общежития, где располагался «*Интернационале Бригаде Лагер*», мы шли пешком.

Дрезденский вагон скорого поезда №246 сообщения «*Ленинград — Берлин*» прибыл рано утром.

Солнце висело низко, било в глаза; за нашими спинами на асфальте переплетались длинные тени.

Спешить было некуда, мы плелись медленно, глазели по сторонам.

Со стороны «*Фройндшафт*» напоминал трофейную команду.

У каждого из «*бойцов*» имелся чемодан или сумка – у девиц даже не по одной – но личный багаж составлял лишь малую толику.

Основной объем составляли общие запасы.

Согласно договоренности, по будним дням нас обещали кормить обедом на работе и ужином в студенческой столовой.

Завтраки и пансион выходных оставались нашей заботой. Поэтому при подготовке к отъезду была сделана кальку-

ляция, отряд закупил провизию.

Через две границы мы привезли добрую тонну круп, макарон, тушенки и прочей дряни, к которой в обычной жизни я бы не притронулся.

Помимо продуктов, позванивали ящики с водкой.

Провоз алкоголя подчинялся строгим правилам, командир приказал купить по две разрешенных бутылки на человека.

Целевым назначением запаса считались вечеринки, где предполагалось угощать скупых немцев с широтой русской души.

Но, еще в Ленинграде распознав соотрядовцев, я не сомневался, что эту водку они вылакают сами.

На Варшавский вокзал, откуда уходил поезд, груз возили целый день и складывали, оставив охраняющего.

В Германии все получилось легче, не потребовало нечеловеческих усилий.

Мы погрузили неподъемные припасы на багажные тележки – огромные и удобные, которые можно было катить куда угодно с условием возврата на вокзал.

Веселый немец Хольгер из штаба интербригад, встретивший у вагона, говорил по-русски лучше, чем многие русские.

Он сказал, что Юрий-Гагарин-Штрассе ответвляется на ближайшем перекрестке, и до общежития идти меньше километра.

Я жил в лучшем на свете городе – Ленинграде.

Я любил его как ничто, не представлял жизни в ином месте.

Но я шагал по Дрездену и понимал, что тут тоже прекрасно.

В чем-то нравилось даже больше.

Небо было выше и прозрачнее, солнце ярче, дома белее, а тротуары чище.

Люди одаривали улыбками, каких не мыслилось в СССР.

И навстречу и попутно шли женщины – много женщин; все казались молодыми.

В моду года вошли особые юбки.

Трехъярусные, они были очень короткими.

Голые ноги ласкали глаз и дарили надежду.

Нынешним летом надежду дарило все.

Это «все» было связано с женщинами.

2

Стоял август тысяча девятьсот восемьдесят третьего.

Почти год как умер Брежнев, в стране поползли изменения.

Я учился в Ленинградском университете.

Мне было двадцать два года, я перешел на пятый курс математико-механического факультета.

В конце июля я вернулся с военных сборов, где завершил средне-специальное военное образование.

Через год – по окончании университета – я должен был получить военный билет офицера запаса, стать инженер-лейтенантом.

Клубились нехорошие времена, продолжалась Афганская авантюра.

Сейчас тучи сгустились, как никогда.

По углам поговаривали, что весь наш выпуск заберут в армию.

Младших офицеров не хватало, заткнуть дыры в армейском Молохе могли даже такими никчемными кадрами, как вчерашние матмеховцы.

Впрочем, совсем никчемными мы не были.

Мы относились в ракетным войскам и артиллерии, наша военно-учетная специальность «5002» означала командира пусковой установки оперативно-тактической ракеты.

В обиходной номенклатуре комплекс назывался «ОТР-22», настоящее обозначение было секретным, его за-
прещали произносить за стенами военной кафедры.

Ракета являлась востребованным оружием.

Твердотопливная – с двигателем на пороховых шашках – она не требовала заправки, была готова за секунды, а вездеход «Ураган» позволял ударить из любой точки.

На сборах нам показывали подготовку к пуску.

Поднимающаяся в вертикальное положение с ложемента, ракета вызывала однозначную реакцию.

Впрочем, если в двадцать лет любой банан не ассоциируется с фаллосом, а любая булочка – с вагиной, то не стоит продолжать саму жизнь.

У меня ассоциации были еще глубже.

Пенис, вышедший на оргазм, не поддается контролю; эякуляцию можно прервать, лишь его отрезав.

Эта ракета вела себя точно так же: после запуска не управлялась, остановить ее можно было, лишь сбив с перехватчика.

После практики на полигоне любой из нас оказывался востребованным, попадал в разряд военного мяса.

С учетом того, что пусковая установка являлась одноразовым оружием, поскольку мгновенно засекалась противником, отправка в Афганистан означала билет в один конец.

Однако мне такой вариант не угрожал.

Я имел планы: амбициозные, но реальные.

Еще на втором курсе я пристроился на кафедру высшей алгебры и теории чисел, занимался с одним и тем же руководителем.

По окончании университета я должен был поступить в аспирантуру.

Это спасало от бед: евреев и аспирантов служить не забирали.

Я собирался защитить как минимум кандидатскую диссертацию, остаться на кафедре и прожить жизнь без бед.

Я знал, что зарплата доцента составляет триста двадцать рублей.

При условии среднеинженерных ста десяти, вариант сулил если не золотые, то хотя бы серебряные горы.

Конечно, какой-нибудь шахтер, знающий лишь таблицу умножения, получал тысячу.

Но в стране победившего пролетариата именно такие сидели на вершине пирамиды.

Смысла состязаться я не видел.

Тем более, что все полученное гегемоны возвращали государству за пропой, сами ходили с полубритыми рожами и в отрепье.

Свою нишу я определил себе сам.

3

В общем, я был молод, здоров и полон планов на будущее.

Идя по солнечному Дрездену, я ощущал это будущее, как никогда.

Тому были и частные причины.

4

Мы жили на улице Марата – около Невского проспекта, в квартале от метро «*Маяковская*», в двух шагах от цивилизации.

Квартира, некогда выгороженная из второго этажа после экспроприации владельца, была трехкомнатной коммуналкой при четырехметровых потолках и одних соседях: старухе с незамужней дочерью.

Номер квартиры и номер дома в сумме давали «13».

О числовой каббалистике я не думал.

Она казалась несущественной.

Родители искали варианты, чтобы переселить соседок куда-нибудь в Купчино, а их комнату присоединить к нашим.

Концы не сводились: не хватало связей на нужных уровнях.

Вернее, не хватало деловой хватки и умения поступиться чем-то малым ради большого.

Папа был химиком, кандидатом наук.

Мама преподавала высшую математику в военном училище с неприличной аббревиатурой «*ВПИСКУ*».

Оба были праведными, как церковные кружки для сбора пятаков.

Порой я даже удивлялся, как их угораздило родить меня.

Когда я вступил в возраст важнейших интересов, мама

принялась промывать мне мозги химерой добрачного целомудрия.

Сама холодная, как пикша, она внушала, что я должен жениться на «самой лучшей девушке в мире» – причем познать ее лишь после свадьбы.

О прочих женщинах речи не шло; основой маминой системы взглядов была не только моногамия, но и уникальность полового партнера.

До определенных пор я ей верил.

Я жил в каком-то сексуальном староверстве.

Это, конечно, было странно.

На матмехе девчонок училось примерно столько же, сколько парней.

Среди них имелись и красивые и умные и доступные.

Но у меня не было даже просто «девушки»; не было ничего, кроме единственного близкого друга.

На полгода моложе по возрасту, он учился на год позже – был не математиком, а механиком, собирался специализироваться по аэрогидродинамике.

Мы познакомились в стройотряде «*Вектор*», где оказались в одной бригаде.

В то лето я окончил второй курс, он – первый.

Друг имел простое русское имя, но я окрестил его Готтфридом.

Я был очарован Ремарком, которого читал, не без труда раздобывая в университетской библиотеке.

В моей жизни не находилось капли романтики, но я надеялся на грядущее, примерял образы к окружающему.

Всяческие Дартаньяны рассеялись в подростковом дыму, моими кумирами стали герои «*Трех товарищей*».

Внешне друг не походил на Ленца, но напоминал его харизмой и умением поговорить; второго такого златоуста я не знал.

Высокий – на голову превосходящий немаленького меня – он был Готтфридом в лучшем из возможных вариантов.

Дружба с ним наполняла серьезным пониманием жизни.

В отличие от меня, Готтфрид не был маменькиным сынком, опасаящимся лишний раз чихнуть против воли родителей.

Мать его осталась в другом городе, отец со второй женой обосновался в Ленинграде.

После многих перипетий Готтфрид имел жилье: комнатку небольшую, но свою.

На третьем курсе он уже подумывал о женитьбе.

Коммунальная квартира, где жил друг с единственным соседом, находилась в полукруглом желтом доме около Обуховского моста.

Окуджава воспевал эти места, возвышенно и претенциозно.

Юнкерами мы не были, по Фонтанке не гуляли.

Мы просто поднимались к Готтфриду, садились за стол, зажигали свечи и до позднего вечера обсуждали околофилософские проблемы, поглощая сухое вино и поочередно бегая в туалет.

Иногда, напившись до полутыку, я оставался на Фонтанке до утра.

Мама не выражала восторгов, но право бывать у друга я все-таки отстаивал.

Подобные ночевки сопрягались с риском для жизни.

Над диванчиком, где я устраивался, висели книжные полки, а Готтфридова способность что-то прикрепить так, чтобы все не обрушилось на голову была сомнительной.

Мой друг и хозяйственность являлись несопоставимыми сущностями.

Однажды он принес чью-то старую кухонную тумбочку

с вырезом под раковину, решив пристроить у себя.

Эта рухлядь простояла в углу целый год; обратно на помойку ее вынесла девушка, на которой Готтфрид собрался жениться.

6

На факультете мы общались каждый день.

Мы не просто были лучшими друзьями.

Мы не просто понимали с полуслова и мыслили сходными категориями.

Мы были взаимными инкарнациями; мы исповедовали одни и те же истины, нам нравились одинаковые девушки.

На Готтфридовой будущей жене я женился бы сам, не познакомься он с ней первым.

Частенько, дождавшись друг друга после занятий, мы вместе ехали в Ленинград.

Электричка от станции «*Университет*» до Балтийского вокзала шла сорок с лишним минут; мы успевали наговориться досыта.

Иногда с нами происходили казусы, в которые не поверил бы приземленный человек.

Однажды в конце семестра, перед началом сессии, мы возвращались по домам.

Вернее, я ехал домой, а Готтфрид спешил на свидание с девушкой.

Майский день был жарким, ветер свистел в опущенных окнах, но мы все равно задыхались.

Я почувствовал, что умираю от жажды, и предложил выйти в Новом Петергофе, где около готического вокзала стояли ряды автоматов с газированной водой.

Электрички из Ораниенбаума, Большой Ижоры и Лебяжьего ходили каждые десять-пятнадцать минут, а мы имели сезонные билеты.

Друг говорил, что лучше ехать без остановок и купить мороженое – уже в Ленинграде на Балтийском вокзале, где оно имелось десяти сортов.

Я настаивал, он сдался.

Мы вышли из душного вагона, спустились на прокаленную площадь, ринулись к вожделенным автоматам.

Около них, как всегда, темнели пахучие лужицы, над которыми вились осы.

Я без проблем выпил три порции газировки с лимонным сиропом.

Готфриду не повезло.

Одна из ос залетела прямо в стакан.

Он ее не заметил и случайно раскусил.

Умирая, оса ужалила.

Мы не успели подняться обратно на платформу – под кружевные навесы с остатками газовых фонарей – как у Готтфрида разнесло щеку, сделав его похожим на персонажа американской комедии.

На оставшемся пути вагон едва не слетел с рельс от многотонной брани, которую, еле ворочая языком, друг обрушивал на мою голову.

Насчет того, как прошло свидание, я потом не осмелился спросить.

8

В другой раз, собираясь к Готтфриду, я заглянул в «*стол заказов*» на Малой Садовой и купил сыр сулугуни – довольно дефицитный и достаточно дорогой.

С белым сухим «*Алиготе*» он стал бы божественной закуской.

Однако, когда мы сели за стол и откупорили первую бутылку, Готтфрид категорически заявил, что просто так сулугуни не едят.

Согласно заверениям одноклассника-вьетнамца, этот сыр нужно сначала сварить, а только потом подавать на стол.

На мои возражения, что пигмей из джунглей, где едят пивок, вряд ли может разбираться в грузинских тонкостях, друг лишь махал руками.

Переубедить его не удалось.

Готтфрид достал аптечную марлю, завернул несчастную лепешку и поставил вариться.

От той осклизлой гадости, которая получилась в результате, мы отщипнули по кусочку, прочее отправили в мусорное ведро.

Подобных историй можно было вспомнить миллион.

Мы с другом стоили друг друга.

Каждый из нас был частицей второго.

9

Я завидовал самостоятельному Готтфриду, но сам долго ни на что не решался.

В девственниках я переходил лишних шесть лет, бездарно потратил лучший период жизни.

Нынче я разговелся.

Презрев мамины догмы, я познал женщину, и даже двух.

10

Первая – Тамара – возникла в конце июня.

Тому способствовали благоприятные обстоятельства.

Обе соседки на лето отбыли в Сестрорецк: старшая была на пенсии, младшая работала не пойми где и как.

Родители по выходным уезжали на дачу в Лемболово.

Загородное владение было именно дачей, а не садом.

Мы ничего не сажали и не выращивали, на значительной части участка сохранились оригинальные березы, журчал ручей, который не стали отводить в сторону.

Папа, измочаленный работой, в основном качался в гамаке, мама вязала по болгарским журналам.

Около дома зеленела грядка с укропом для окрошки, все остальное родители при необходимости покупали у соседей, которые были оголтелыми садоводами.

Лемболово я любил

В тех местах имелась масса развлечений.

Они, конечно, были подростковыми, но захватывали неизменно.

Я целыми днями бродил по тревожным мхам Карельского перешейка.

Я то ловил рыбу на реке Вьюн, то лазал по замшелым дотам, оставшимся от линии Маннергейма, то собирал стреляные гильзы и хвостовики мин в заплывших окопах.

Я собирал грибы и ягоды – в каждый период разные.

Но нынче, завершив сессию, я находился в лихорадке перед грядущими сборами, на дачу не поехал.

Я мотался по городу, пытаюсь сделать что-то, чего и сам не знал.

Хотя, возможно, меня вела рука судьбы, в которую я не верил.

Так или иначе, событие произошло случайно.

Впрочем, все главное в жизни происходит случайно.

А все тщательно запланированное – наоборот! – делается не так, как задумано, не оправдывает ожиданий и опускает в скепсис.

С Тамарой мы познакомились в магазине Военторга на Невском проспекте.

Я покупал там подворотнички – тридцать штук, по одному на каждый день своей выморочной службы.

Она перебирала кофточки в отделе обычной одежды.

Военторг не мог существовать только за счет погон и блях; там имелись товары для нормальных людей – причем не появляющиеся в «*гражданских*» магазинах.

В белом длинном платье с мелкими цветочками женщина казалась красивой и даже молодой.

На самом деле – как понял бы я теперь – Тамаре перевалило за сорок, она была лишь чуть моложе моей матери.

Мы понравились друг другу, разговорились, из магазина вышли вместе.

Я был совершенно свободен; она, похоже, тоже.

Мы завернули на Владимирский, спустились в кофейно-закусочный подвальчик от ресторана «*Москва*».

Как и все подобные заведения Ленинграда, местечко имело неформальное название, в узких кругах именовалось «*Сайгоном*».

Кофе разочаровал.

Во всех отделах была только «*Арабика*», о чем оповещали таблички на мельницах.

Этот сорт имел недостаточно плотный, неглубокий вкус.

Я сказал, что у меня дома есть прекрасный «Робуста», который даже в джезве дает лучший вкус, чем «Арабика» из итальянской машины-эспрессо.

Тамара согласилась пройти квартал в обратную сторону, завернуть ко мне на Марата.

Я ни на что не рассчитывал, но чувствовал себя как-то странно.

Впервые в жизни я вел к себе женщину; само сознание факта кружило голову.

Пустая квартира незнакомо звенела, высокие двустворчатые двери обещали впустить в иную реальность.

Насчет качества кофе, который я сварил дрожащими руками, едва не ошпарившись у плиты, было трудно судить.

Выпив по чашке на кухне, мы как-то само собой переместились в комнату, сели около моего письменного стола.

Разговор толкался из стороны в сторону, потом Тамара вдруг прервалась на полуслове и сняла бусы из нескольких разноцветных гроздей – чтобы «они не мешали».

Я не отреагировал, не веря в перспективу.

Видя мое бездействие, она развязала пояс платья, повесила на стул.

Дальше все рванулось так, не мечталось еще полчаса назад.

Платье отправилось вслед за поясом, туда же полетел белый бюстгальтер, потом – красные трусики.

Обнаженная, Тамара красивой уже не казалось.

У нее была усталая желтоватая кожа, костистые колени.

Грудь – изначально небольшая – грустно обвисла.

Когда я припал к невеселому соску, Тамара пояснила, что так стало после кормления дочери, а раньше было лучше.

Но мелочи ничего не стоили.

Женское тело, впервые полученное в распоряжение, было лучшим на свете – не могло быть иным.

Уже опустившись на мою раскрытую кровать, Тамара добавила, что сегодня у нее *«еще мажет»*, но это хорошо, поскольку можно *«по-настоящему»*.

12

Мужчиной я стал четыре раза подряд на протяжении трех часов.

Первый заход занял всего несколько минут.

Поинтересуйся кто-нибудь моими ощущениями, я бы выпалил:

ВЕЧНЫЙ КАЙФ!!!

На самом деле я просто не осмелился бы проговорить впечатления.

Несмотря на домашние установки, я развивался нормально, вовремя научился получать самостоятельное удовольствие от своего тела.

Став виртуозом в занятии, которое веками считалось вредным, от реального контакта с женщиной я ожидал чего-то нереального.

Все оказалось иначе.

Внутри у Тамары было тепло, горячо, влажно и скользко, просторно и дружелюбно, в целом уютно – но сам с собой я умел добиваться куда более острых наслаждений.

Вероятно, виной служила моя априорная неумелость.

Следовало надеяться, что с опытом придет насыщенность, а сейчас я был разочарован.

Более того, я уже не знал, радоваться случившемуся или досадовать, невольно признавая мамину правоту.

Не давая себе слишком глубоко думать, я поднялся с Тамариного тела – прохладного, не успевшего нагреться – и побежал мыться.

На только что познанную женщину не хотелось смотреть, тянуло убежать подальше и больше никогда ее не видеть.

Санузлы были запрятаны в глухом тупике нашей квартиры.

Газовая колонка ревела уверенно, гоня горячую воду; мыло «Яблоневый цвет» исправно пенилось, смывая с моих чресл следы незадачливого соития.

Вернувшись в свою комнату, я нашел Тамару на постели – в той же позе, в какой оставил.

Не замечая моего состояния, она предложила «*полежать еще*».

Я согласился, почувствовав некоторую усталость.

Под окном у пивного ларька привычно орали алкоголики. Мир снова стал правильным, прямым при ортонормированном базисе.

Но тело, лежащее рядом, было женским.

Рука, скользнувшая по моему животу и ниже, действовала правильно.

Мой организм через несколько минут отреагировал правильным образом.

Тамара сказала, что хочет *«попрыгать на мне»* – поднялась, привстала, направила в себя.

При виде ее густо заросшей промежности меня охватил ужас.

Казалось, надо мной раскрылась черная дыра.

Почудилось, что не только мой пенис, но я сам я погружусь туда с головой и никогда не вынырну обратно.

Неверно истолковав мое замешательство, Тамара успокоила, что *«может кончить много раз подряд»*.

Она насадилась на меня быстро и глубоко.

Некрасивые колени смотрели мне в лицо, обмякшая грудь подпрыгивала, нарастающие стоны отражались от потолка и, вероятно, были слышны на лестнице.

Мамина концепция дала трещину – причем не только мамина.

В стране, где слово «секс» считалось неприличным, проблемы чувственности были отданы на откуп художественной литературе.

Та базировалась на химерах.

Здесь не мог возникнуть писатель уровня Мопассана.

Ремарка тут тоже не могло быть: он слишком не зависел от общества.

Книги внушали тезис о несимметричности межполовых отношений.

Утверждалось, что мужчина домогается, а женщина поддается.

Об Элен Курагину не вытирал ноги только ленивый.

Идеалами были героини Пушкинско-Тургеневского толка: девушки, каких не существует в природе.

Один Чехов пытался изобразить что-то правдивое – да и тот порицал проявление женского либидо.

Догматический соцреализм продолжил традицию бесполой русской классики.

Лушка Нагульнова позиционировалась почти проституткой.

Школьные учительницы – величественные кошелки, никогда не ведавшие страстей – проповедовали всю эту чушь.

До определенных пор им верили.

15

Один реальный эпизод все перевернул – точнее, поставил на места.

Земля вздрогнула, химеры свалились с карниза, раскололись и обратились в прах.

Женщина, оголтело прыгающая на мне, представляла жизнь, в которой мужчина являлся источником наслаждений.

После второго раза мы оба отправились в душ.

Тамара шлепала впереди, зажавшись рукой – но все равно из нее на пол упало несколько капель.

Являясь виртуозом порицаемого занятия, я знал, что сейчас они беловатые, но когда засохнут, намертво въедятся в пол и их надо будет замыть, пока не вернулись родители.

В узкой ванне мы стояли вместе.

Намылив мне интимные места, Тамара сама принялась их мыть.

Я чувствовал, что процесс доставляет ей большое удовольствие.

Отмывшись дочиста, мы опять пошли пить кофе.

Бело-цветастое платье осталось в комнате.

Кухня выходила не на Марата, а в узкий замкнутый двор.

Обнаженная женщина, появившаяся в нашем добропорядочном окне, могла обернуться для меня нехорошими последствиями.

Я дал Тамаре свою рубашку – белую, с «газетным» узором, невероятно модную в конце семидесятых, ныне переведенную в разряд домашних.

Трусов она не надела, наслаждалась свободной голизной.

Длины не хватало, полы разошлись, между бледными бедрами виднелся волосатый островок.

Моя первоначальные впечатления улетучились.

Только полный идиот мог сравнивать женщину с суррогатом.

Я почувствовал, что хочу еще, признался в этом; Тамара не возражала.

Третий раз действительно унес на небеса.

Вот теперь я понял, что нет на свете более главной сущности, чем женщина – и нет большего счастья, чем ею обладать.

Четвертый заход, получившийся сам собой, был уже мучительным.

Я лежал на Тамаре, стискивал из подмышек ее твердые соски, ощущал животом широкий плоский зад, вбивал себя

в расплывчатое тело и никак не мог высвободить желание, застопорившееся на полпути.

Окончательное разъединение ужаснуло.

Взглянув на свой измученный, натертый до онемения предмет, я увидел нечто красное и вообразил, что себя порвал.

Я не сразу понял, что там застряла нитка, упавшая с Тамириных революционных трусиков.

Сама она призналась, что еще не бывало случая, чтобы *«мужчина ее так укатал»*.

После всего не осталось сил даже на еще один кофе.

Расстались мы столь же странно, как встретились: угарно и невнятно, даже не обменявшись телефонами.

Родители не вели просветительских бесед: мама лишь декларировала, папа ни во что не вмешивался.

Готтфрид давал почитать весьма дефицитную книгу о сексе.

По сути и там ничего всерьез не объяснялось.

Написанное каким-то дозволенным медиком, пособие не учило, а устрашало, грозило геенной каждому, кто ринется в пучину внебрачного порока.

Лучше бы я эту книжицу не читал

Будучи с детства впечатлительным, я подумал, что мог заразиться венерической болезнью.

Гораздо позже один знакомый врач говорил, что если бы эти болезни были столь опасны, как о том пишут учебники, то человечество давно бы вымерло.

Сейчас я ничего такого не знал.

Подворотнички – весь пакет – у меня украли в первую же ночь сборов; до самого конца я довольствовался парой уцелевших, стирая их и переворачивая.

При этом я уже проклинал день, когда их покупал.

Я страдал и мучился от предчувствий.

Я бесконечно рассматривал свой пенис на предмет нехороших изменений.

Мочась над общим лотком в казарменном туалете, я вни-

мательно прислушивался к своим ощущениям.

Привычный мир навис невнятной угрозой.

Однако судьба меня хранила, я ничего не подхватил.

Вернувшись со сборов, я стал скучать по Тамаре.

Это было бессмысленно: я не знал, где ее искать.

Искать следовало другую.

Со второй из первых женщин я познакомился, когда слушал воскресную духовую музыку в Летнем саду.

Женщину звали Лидой.

Правда, «хорошей девочкой» ее вряд ли удавалось назвать.

Лида была старше на три года, но казалась более зрелой, заматеревшей.

Приехав сюда с Украины, она где-то работала и жила в общежитии на правом берегу Невы – о чем сообщила без утайки.

Полагаю, что образования у Лиды не было, но это меня не волновало.

Я не собирался на ней жениться, я просто смотрел на ее бюст, обтянутый голубой кофточкой.

Теперь каждая женская грудь мыслилась доступной; Лида вряд ли выходила из общего разряда.

Мы послушали вальсы, не спеша гуляя вокруг беседки со сверкающей медью.

Когда музыканты сложили трубы, мы двинулись дальше, вышли на набережную, зашагали вдоль гранитных парапетов.

Чем дольше я находился рядом с Лидой, чем глубже вдыхал аромат ее недорогих духов, тем сильнее желал повторить испытанное с Тамарой – и тем яснее понимал, что это воз-

можно.

Но воскресенье перевалило за обед.

Электрички с Карельского перешейка пока не были переполненными, на станции «*Площадь Ленина*» у Финляндского вокзала еще не бурлил людской водоворот.

Мама с папой предпочитали возвращаться с дачи рано – приехать не измятыми в толпе, не спеша вымыться перед неделей.

Поэтому вести Лиду домой я не мог.

Захваченного с женщиной в постели, меня ждали все Египетские казни.

Подобного еще не случалось – но, зная своих гипердобропорядочных родителей, я не сомневался в исходе.

Все решилось само собой.

Мы дошли до Большеохтинского моста, где Лида сказала, что здесь ей надо сесть на автобус, идущий к общежитию.

Я предложил проводить.

Привычка провожать девушек – даже равнодушных одноклассниц, с кем пришлось возвращаться на одной электричке из Петергофа – вошла в кровь.

В моих словах не было прямой подоплеки.

Но легкость, с которой Лида согласилась, и недвусмысленность, с какой она теснила меня грудью в пустом автобусе, говорили, что движение идет в нужном направлении.

19

Общежитие оказалось угрюмой «точкой», окруженной сереньким сквериком.

Мы чуть-чуть посидели на ребристой скамейке, затем Лида и повела за собой.

На вахте я показал удостоверение «*Международного Союза Студентов*» – бело-синюю картонку, которую пришлось купить, оплатив членский взнос, ради поездки за рубеж.

Как все иностранное, жалкая книжица производила впечатление.

Я прошел беспрепятственно, услышав указание не задерживаться после двадцати трех.

Комната, куда привела Лида, была многоместной.

Но с первого взгляда я понял, что она живет тут одна.

В замке провернулся ключ, что-то надежно щелкнуло.

Голубая кофточка и белая юбка полетели на свободную кровать, широкий кружевной бюстгальтер поддался с полупопытки.

Грудь Лиды на порядок превосходила Тамарину, напоминала пару небольших, не до конца вызревших дынек.

Во всем прочем вторая женщина не шла в сравнение с первой, причем в худшем смысле.

Тамара обьяла нежной добротой, ласкала и хвалила, бесконечно превозносила мои мужские достоинства – в которых сам я сомневался.

По сути дела, она дала первотолчок в чувственную жизнь, который держал меня на орбите и угас лишь в возрасте, который даже Бальзак не идентифицировал для мужчин.

Лида оказалась прямой противоположностью.

Она насмехалась над моей неумелостью, выражала сомнения по поводу того, что я хоть раз имел интимный контакт с женщиной.

Окажись первой эта стервозная девушка – и я мог пополнить ряды неокантианцев, мастурбаторов Гоголевского пошиба, прожить жизнь озлобленным аскетом.

К счастью, во мне теплилась память Тамары.

Потому Лидины подколки я не слушал – просто пытался выжать из ее тела максимум возможного.

Однако и тут я, рожденный страдать, не избежал жупела.

Угроза здоровью не нависла, но произошло другое.

Перед тем, как пустить в себя, Лида приказала надеть презерватив – кусок белого шланга в миллиметр толщиной.

Только такие и у нас и были обиходными.

Когда в аптеке на Старо-Невском, неподалеку от польского магазина «Ванда», появлялись тонкие индийские «Кох-и-Норы», очередь за ними начиналась снаружи, а отпускали лишь по десять штук в одни руки.

Я еще не имел опытов, но эта дрянь мне не понравилась.

Когда я отпрянул, мучительно облегченный, то оказалось, что проклятая резинка осталась в Лидиных недрах.

В какой момент она соскользнула и чем все грозило, оставалось неясным.

Меня обдало самым ужасным из возможных ужасов.

Венболезнь можно было вылечить.

Ребенок оставался навсегда.

Его появление перечеркивало всю мою жизнь.

Ни выполаскиваться, ни подмываться Лида не пошла.

На прощание, зловредно улыбаясь, она раз пять назвала меня «*папашей*».

Обратно я бежал, как Врангель из Крыма.

До самого дома у меня горела спина, прожженная едким взглядом вахтерши.

Вспоминая детали и анализируя варианты, я мучился несколько дней – с каждым часом все сильнее.

Спасла меня душеспасительная беседа с Готтфридом

В течение ночи мы выпили пять бутылок «Ркащители» и съели десять банок кальмаров в собственном соку.

Я рассказал другу все, с малейшими деталями.

Готтфрид задумался, потом изложил вердикт.

Он произнес десятка два разнообразных нецензурных слов.

Смысл заключался в том, чтобы я не маялся дурью.

По мнению Готтфрида, груз предохранения от беременности лежал на женщине, а не на мужчине.

С учетом того, что Лида держала у себя презервативы, стиль ее жизни был ясен и угроза навязанного отцовства равнялась нулевой.

Мне стоило просто жить дальше, не оглядываясь за спину.

Напоследок друг посоветовал прочитать «Исповедь» Руссо, сказав, что там я найду много полезного для себя.

На чтение серьезной книги уже не оставалось времени, но в целом я успокоился.

В один из последних предотъездных дней – ощущая себя беззаботным, как бабочка – я сбегал мимо лифта по круговой лестнице подъезда.

У подоконника я остановился, заметив под ногами нечто чужеродное.

Нагнувшись, я увидел, что на желтом, с красными каемками, кафеле лежит застёжка от бюстгальтера.

Черные пластиковые половинки остались соединенными, по краям торчали обрывки ниток.

Не нужно было обладать семью пядями во лбу для понимания, что тут произошло и почему застёжка упала нерастегнутая.

Подумалось, что оторвать ее мог и я.

Жизнь обещала неведомые горизонты.

Если бы я влюбился, полгода ухаживал за девушкой, гулял с ней по городу, ходил в кино и поил кофе в «*Сайгоне*», «*Ольстере*», «*Риме*» и в «*Сучьем Носу*» на галерее кафе «*Север*» – все было бы иначе.

Но вразрез с маминой добронравной идеологией, я начал со случайных одноразовых партнерш.

За второй ожидалась третья, пятая, десятая, сто первая.

Мир был полон женщинами.

Ни одна не воспринималась как конечная.

Каждая могла одарить чем-то новым.

В Германию я отбыл окрыленный.

Я бесконечно вспоминал двух своих женщин.

Обрывки слов, изгибы тел, прикосновения волос и складок, запахи подмышек кружили голову.

Попытайся я записать все, что роится в памяти, меня бы аттестовали творцом *«потока сознания»* покруче Воннегута – которого сам я не смог читать по причине бессмысленности текста.

Но моя внутренняя жизнь оставалась моей и я купался в надеждах.

Когда *«инельцуг №246»*, утопая в утреннем тумане, переехал мост через реку, которая на входной табличке значилась *«Одрой»*, а на выходной сделалась *«Одером»*, я ощутил себя в невесомости.

Сам воздух чего-то обещал.

Комната, куда меня определили вместе с парой физиков, была светлой и просторной.

Четыре кровати стояли в два этажа, оставив достаточно свободной площади.

Большое окно смотрело на жилой квартал, вытянувшийся вдоль улицы.

Перед отъездом нас усиленно стращали пороками гнилого Запада, просачивающимися в социалистический Восток.

Мы знали, что за границей ничего нельзя.

Прежде всего, нельзя было гулять по городу – даже по такому мирному, как Дрезден – поодиночке.

Окончательные инструктаж намечался ближе к вечеру.

Двоих экономистов командир отправил на вокзал – возвращать тележки.

Остальные разбрелись по комнатам, занялись чем попало.

Я сунул свой чемодан в угол и пошел бродить по общезжитию.

Нас поселили на предпоследнем этаже.

Мне захотелось подняться под крышу, увидеть неизвестный Дрезден с высоты.

*«Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей!»*

Фраза казалась одной из ключевых в *«Онегине»*.

На самом деле большинство людей я презирал не *«в душе»*, а вполне осознанно.

Основания для отношения я – истинный математик – мог оформить как функцию, заданную табличным способом.

Я отрицал видение жизни, не совпадающее с моим.

Я обожал классическую музыку – потому презирал всех, кто слушает волосатых гопников и не отличает Моцарта от Сальери.

На четвертом курсе я всерьез занялся бальными танцами, презирал не владеющих европейской техникой танго.

Я разбирался в живописи и презирал знающих лишь *«Утро в сосновом лесу»* – и то по конфетным фантикам.

Я считал спорт самым бесполезным из занятий, презирал тех, кто интересуется всякими боксами – тупым мордобитием, уделом дебилов.

Я учил английский язык с пяти лет и презирал забывших, что после *«if»*, *«when»* и *«as soon as»* употребляется настоящее время.

Я умел носить галстук-бабочку – и презирал тех, чей костюм напоминает седло на корове.

Список презрений можно было продолжать.

Мой максимализм поднимался выше Эвереста.

А при виде «окающих» деревенских рож я думал, что предки по папиной линии – о которых из осторожности почти не вспоминали – нерадивых крестьян пороли на конюшне.

Все это следовало назвать классовой неприязнью, хотя считалось, что ей нет места в обществе, позиционирующем себя как бесклассовое.

Свое отношение я даже не особо скрывал.

Это осложняло жизнь, но в серьезных делах простоты и не предвиделось.

Никогда еще не любив, я не мог оценивать позитивных чувств.

Но в отношении ненависти я знал, что она подчиняется Третьему закону Ньютона.

Быдло ненавидело меня так же, как я его.

К моим нынешних «*товарищам*» вышесказанное относилось в полной мере.

В обычной жизни с подобными я бы не только никогда не сел рядом, но даже не стал пить кофе за одним стоячим столиком.

Их навязали обстоятельства.

Я с детства мечтал побывать в Германии: пройтись по улицам, где ходил не только Штирлиц, но и Гитлер, Геббельс, Геринг, Гиммлер, Гесс и даже партайгеноссе Борман.

Последний – в гениальном исполнении Визбора – сделался притчей во языцах.

В школе мы бесконечно повторяли присказки «*Борман слушает*».

Однако мало кто знал, что партайгеноссе по должности был аналогом Генерального секретаря ЦК КПСС.

В стране железного занавеса мы не знали вообще ничего.

Попасть за границу просто так было почти нереально.

Кто-то мог отправиться в турпоездку с родителями.

В моем случае вариант отпадал: папа работал в закрытом институте, был «*невыездным*» до конца жизни.

Единственной возможностью оставался интернациональный студенческий строительный отряд: две недели работы на одном месте, еще две в поездках по городам.

Так обходилось существенно дешевле: часть расходов должна была покрываться зарплатой.

«*Бойцу*» разрешалось иметь и свои деньги в размере, установленном правилами.

Папа сказал, что даст мне необходимую сумму, которая для Германии составляла двести рублей, превращающиеся в шестьсот восточных марок.

Оставалось лишь просочиться в интеротряд – чтобы было не очень просто.

Я подсуетился, прошел первоначальный отбор в комитете комсомола своего факультета, дальше карабкался вверх по скользким ступенькам комиссий.

Проходить их: от простой университетской до Василеостровского райкома КПСС – было нелегко.

Отсев шел по диким критериям.

Можно было быть комсомольским деятелем и ленинским

стипендиатом, но вылететь за неправильный ответ на вопрос о том, кто возглавляет коммунистическую партию Верхней Вольты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.